

Сестрорецку я обязан своим увлечением рыбной ловлей. Мой одноклассник, Вовка Кузьмин по прозвищу Кузя (у нас у всех были прозвища, образованные из фамилий; моими были Монгол и Намго) жил в доме, стоявшем на самом берегу озера. Во всех таких домах хозяева держали лодки. Кузе уже в восьмилетнем возрасте разрешали плавать на лодке в пределах бочаги - озёрного залива, примыкавшего к дому, а подросши, мы выходили с ним и в открытый Разлив. С Кузиной лодки я поймал своих первых двух подлещиков (а может, это была густера, но крупная), на ней был соучастником вылова щурёнка на дорожку - к сожалению, я тогда был на вёслах и не мне, а Кузе посчастливилось ощутить поклёвку. Щурёнок был граммов на 500 и казался нам полноценной щукой.

Деревянный мост через Разлив у "читалки" (под деревом мама, 1939 г.)

Чаще же ловить приходилось с берега, с мостков, со стоявших на приколе лодок. Отлично ловился ёрш прямо с деревянных настилов купальни на пляже у "читалки". Помню, как я таскал ершей, невзирая на затяжной дождь, под которым я промок до нитки. В основном мои уловы шли на кормёжку Барсику, который пожирал ершей, урча от удовольствия, не взирая на ершиные колючки, но однажды мне удалось наловить на опарыша десятка два вполне приличной плотвы и густеры, это был уже вклад рыбака в домашний стол. Мама наша, как и все в Сестрорецке, свежую рыбу очень любила и моё увлечение поощряла (не из-за уловов, конечно, но и уловам всегда радовалась).

С рыбалкой была связана вторая в моей жизни порка. Я ловил с причаленной лодки, стоял на носу и так неудачно переакинул удочку, что зацепился крючком за соседнюю лодку. Пытаясь отцепиться, я потянул удилице, обе лодки - та, на которой я стоял, и за которую зацепился, пришли в движение, и я, потеряв равновесие, плюхнулся в воду. А дело было поздней осенью, близко к зиме. Наблюдавшая зрелище малышня помчалась к нашему дому с воплями: "Сашка в воду свалился!", и когда я, весь мокрый, поплёлся домой, навстречу мне уже двигался папа, почему-то с ремнем в руках.

Тут же на улице он меня и начал драть, а заканчивал дома. Порку я считал совершенно несправедливой, орал и сопротивлялся, чем ещё более распаял отца. Кончалось это происшествие тем, что я ревел, прижавшись многострадальным задом в мокрых голубых кальсонах к стенке коридора нашего дома на Задней улице. Стоял я так, видимо, достаточно долго, поскольку на красных обоях коридора впоследствии остался светлый отпечаток моей задницы, а на кальсонах - красное пятно от обоев.

Озеро Разлив напротив дома №14 на Красногвардейской улице

Надо сказать, что рыбалки в Сестрорецке запомнились мне не своей спортивной, азартной стороной, а чисто эстетическими впечатлениями утренних и вечерних зорь на озере. Запах лодки, тишина и поплавок на зеркальной глади воды зачаровывали меня уже в те годы, а в зрелом возрасте стали лучшим средством душевного успокоения.

Друзьями моими в Сестрорецке были Кузя, Лёнька Голиков, Славка Попов, Женька Крюков, Серёга Андреев, а позже Шурка Санкин. С Кузей я водился больше, чем с другими, поскольку он ближе всех жил к нашему дому. Кузя был типичным сестрорецким пацаном. Худенький, конопатый, остроглазый - он был необыкновенно ловок и умел. Мастерил всё по-взрослому (учился у старшего брата), отлично плавал, грёб на лодке, бегал на коньках и лыжах, прыгал с высочайших трамплинов, справлялся с громадным буером, метко подстреливал свиристелей из рогатки. Я во всём этом был слабее своих одноклассников, но их пренебрежения не чувствовал - и за мной признавались некоторые достоинства: я привлекал ребят своими рассказами о прочитанном и своими рисунками.

Вообще в детстве, и в младших, и в старших классах у меня было много друзей, совершенно противоположных мне по характеру и развитию, вплоть до отпетых хулиганов. Меня привлекала их смелость и физическая ловкость, они, видимо, признавали во мне некоторое интеллектуальное превосходство. К тому же, будучи круглым отличником, я никогда не задавался, охотно помогал любому, а главное, не отличался в школе примерным поведением. Правда, мои нарушения дисциплины состояли обычно всего лишь в невнимательности на уроках из-за занятий посторонними вещами: чтением или рисованием или разговорами с соседом по парте. За это я часто получал замечания в дневник, что уравнивало меня с рядовыми троечниками. К спорту же среди своих спортивных друзей я в Сестрорецке так и не приобщился, научившись, впрочем, сносно бегать на лыжах, без чего в Сестрорецке пацану уж совершенно нельзя было жить.

На мой день рождения, когда мне исполнилось десять лет, мои друзья - Кузя, Славка и Женька явились, держа каждый подмышкой подарок - книгу. Это были "Василий Тёркин", "Малышок" Ликстанова и "Молодость" Леонова. Одна из них ("Малышок") с дарственной надписью Славы Попова "Учись хорошо, Саша" сохранилась до сих пор, две другие я так часто перечитывал, особенно года через два - три, что от них ничего не осталось.

С Женькой Крюковым и Шуркой Санкиным мне доводилось встречаться и в студенческие годы (Женька учился в Корабелке, Шурка - на мат-мехе ЛГУ), а с Серёгой Андреевым мы вообще оказались однокурсниками, правда, на физфаке он не удержался, перевёлся в Кораблестроительный, а там кончил и аспирантуру. Женится Серёга, между прочим, на Ляльке Лозовской. Кузя же поступил в какое-то военное училище, и мы с ним больше не виделись.

Лена (Лялька) Лозовская

[\(продолжение следует\)](#)